

Антон Эмануил Тимко

Мишка

Авантурные похождения татранского медведя

I. Моя молодость

Только перо мастера могло бы нарисовать и живыми красками изобразить то величественное очарование и романтическое впечатление, которые воздействуют на душу любителя золотой природы, когда он вступает в могучие, тенистые, вечнозелёные, девственные татранские леса, которые раскинулись вокруг пяти упирающихся в небо погронских вершин и которые только диким животным — медведям, барсукам, лисам и курицам предоставляют безопасное убежище и постоянное место жительства.

Этот вечно длящийся покой, ненарушаемая тишина, никогда не изменяющееся однообразие и вообще все особенности татранских гор и лесов пером описать невозможно; это была бы напрасная работа и тщетные усилия; только поэт, воодушевлённый этой величавостью и погружённый в свои идеалы, мог бы их изобразить.

На одной из этих девственных гор, которой редко, а может быть и никогда не касалась нога проворных словацких звероловов и охотников, меж двух огромных утёсов, вопреки тысячам бурь и гроз, стояла пихта: здесь была моя колыбель, моя родина; тут я впервые увидел дневной свет... однако довольно; изображая мою авантюрную жизнь, я не хочу использовать высокий и изысканный слог. Нет, я опишу вам свою жизнь в естественной для меня звериной манере.

Радуюсь счастью, что у меня был брат, возрастом и качествами совершенно мне подобный, мирно и блаженно проводил я дни моего нежного детства, покуда мать вскармливала нас в нашем жилище, которое было устелено мохом, хвоей, клочками трофейной дичи и обрывками кожи, и которое мы, медведи, называем «берлогой».

Время нежного детства, невинных забав всегда было милым воспоминанием в более поздние периоды моей жизни.

Я также всегда с наслаждением вспоминал блаженные времена моего детства и молодости, когда обо мне и моём брате пеклась наша заботливая матушка.

Как два невинных юных котёнка на тёплой печи, так я и брат мой Пецко играли и провордили время в тёплой берлоге, ещё не зная ни о

каких страданиях этого мира, не ведая никаких бед, холода, голода — мне было хорошо, как больше никогда уже не будет.

Наша добрая матушка заботилась о нас очень тщательно.

Особое значение она придавала нашей чистоте, хорошо зная, что «чистота — половина здоровья», поэтому она часто купала нас в речке, особенно тогда, когда нас мучали острозубые блохи.

Готов побиться об заклад — не знаю только какой и с кем, — что все служащие лесничества не съели столько дичи, сколько мы с братом Пецко за эти два года, когда мать вскармливала нас в берлоге.

На завтрак обыкновенно была у нас зайчатина, на обед — косуля, а на ужин — баранина, большей частью очень жирная.

Всевозможные лакомства тоже были в изобилии: черника, малина, ежевика, земляника — всё это нравилось нашим юным зубкам.

Нечего удивляться тому, что так тщательно ухоженные и накормленные, росли мы словно на дрожжах, и что буйная юношеская кровь кружилась в наших жилах.

Наша матушка была безмерно счастлива, когда видела, что мы здоровые, бодрые хлопцы, которые хорошо себя чувствуют в своей резиденции.

Хотел бы я, чтобы это продолжалось и по сей день.

Блаженные детские годы.

Брату и мне было уже по два года.

Матушка наша, придя однажды с охоты и принеся нам кусок жирного мяса, сказала:

— Милые детки! Послушайте, что я скажу вам и примите это к сердцу. Вы уже не маленькие неразумные дети, вы уже взрослые медвежата, пребываете в том возрасте, когда уже можете самостоятельно осмотреться вокруг. Вы не можете вечно сидеть в берлоге, поскольку приходит время, когда вам самим придётся находить себе пропитание. Я хочу познакомить вас с миром и со способами в будущем обеспечить себе пропитание. Каждая хорошая мать должна заботиться о будущем своих детей. Завтра мы выйдем наружу в свободную природу, которую вы должны изучить.

Тут наша мать глубоко вздохнула, словно предвидела нашу участь.

— Жизнь ваша, — продолжала она, — будет подвержена сотням опасностей; следовательно моя обязанность — научить вас, что следует делать и чего следует остерегаться, чтобы не допустить до гибели, чтобы, ах — не дай Боже! — ваши шубки не висели бы где-нибудь на гвоздиках у господина лесничего в Краме¹. Знаю, что вы у меня послушные детки, и верю, что будете во всём слушаться свою мать. В вашем возрасте вы уже в состоянии понимать, в каких условиях вам придётся жить; сейчас для нас наступили очень трудные, неблагоприятные времена. Были, дети мои, другие времена, ещё недавно, в годы пребывания Гринеусого лесничим на быстрианском участке; тогда зверь, и главным об-

¹ Отменный ловец медведей, лесничий Йозеф Маркус, умер в 1871 г. в Зволене. — *Прим. авт.*

разом медведь мог свободно разгуливать по деревне, и ничего плохого с ним не случилось, но, с той поры как пришёл новый лесничий Карл Кюхнель, дело приняло другой оборот.

Брат и я пустились в плачь из-за того, что должны оставить наш милый дом; однако матушка утешала нас, что природа будет нам заботливой опекуницей, которая не даст нам погибнуть, и добавляла при этом, что в членах наших спит огромная сила, которой должен подчиниться каждый зверь в Татрах.

Это утешение взбодрило нас, поскольку до сей поры мы не имели представления о своей силе.

Мы досматривали свой последний сладкий сон в нашей берлоге, а едва рассвело, наша матушка вывела нас на свободу...

Ах, какое прекрасное зрелище представилось нашему взору... Оно очаровало нас.

Мы находились в густом лесу и вместе с матушкой путешествовали по нему.

Матушка предупреждала нас о каждом предмете; поскольку она опасалась за нас — всё ещё неразумных баловников.

Всё же прежде всего она оставалась заботливой матерью!

Шевельнётся ли в чаще ветром подхваченный лист, наша матушка спешит туда убедиться, не грозит ли нам с этой стороны какая-нибудь опасность.

Какой бы дорогой мы ни шли, она всегда сопровождала нас сбоку.

Проявляя о нас большую заботу, она постоянно обнюхивала воздух, и стоило ей почуять что-либо хоть сколько-нибудь подозрительное, сразу направляла стопы наши в другую сторону.

Мы были ей всегда и во всём послушны.

На этой первой прогулке она начала нас знакомить с нашей будущей пищей.

— Идите сюда, мои милые детки! Тут растёт сладкая земляника, собирайте её и ешьте!

Вот так, показав нам сладкую землянику, сама она довольствовалась горьким крес-салатом.

Так или иначе (впрочем, продолжалось это недолго) каждый день и каждую ночь бродила с нами наша матушка по лесам, болотам и полянам, показывая нам излюбленную пищу.

Позднее она водила нас очень далеко, так что от ходьбы у нас разболелись ноги и мы остановились на каком-то холме, откуда была видна вся долина.

Тут матушка велела нам подождать, а сама скрылась в чаще.

Но едва она отошла от нас, спустя немного времени услышали мы, как какой-то страшный звук раздался в лесу.

— Что это может быть? — спросил я брата моего Пецка.

— Я не знаю, — ответил он мне. И разумно.

Вскоре после этого услышали мы новый, ещё более страшный звук, словно горы обрушились.

— Что это снова было?

— Говорю тебе, что не знаю!

Трепеща от страха, что бы это могло быть, сидели мы, притаившись, в чаще, где и нашла нас, перепуганных, матушка.

— Ничего не бойтесь, дети мои! — говорила матушка, неся в пасти жирного барана так, словно это была какая-нибудь грушка, и предложила нам им полакомиться.

— Берите и ешьте!

И принялась нам рассказывать то, о чём мы ещё не имели понятия.

— Тут поблизости расположен брезнянский шалаш, а в нём — 600 овец. Самого тучного барана утащила я из отары и вам принесла. Слышали лай собак? Это наши враги, они опасны, поскольку лаем дают знать бача² и чабанам о том, что возле шалаша появился волк или медведь. А слышали тот грохот? Это был выстрел из ружья! Ружья вы, дети мои, ещё не видели, и дай вам Бог никогда на себе не ощутить его действие. Ничего другого, дети мои, ни зверя, ни человека, ни голода, ни холода не стоит так опасаться, как этого ружья... Этого дьявольского орудия, которое самого громадного медведя за 100 шагов избавляет от жизни и света. Создатель каждому зверю выделил какую-нибудь естественную защиту, нам дал силу и власть, волку — острые клыки, косуле — быстрые ноги, змее — яд, кошке — когти, волу — рога, коню — копыта, только самое великолепное творение своё — человека — ни одной из подобных защит не одарил; но зато он дал ему разум, а с его помощью человек сам придумал себе более обстоятельные и совершенные защиты, чем наши звериные — вот то же ружьё!

— Даю вам теперь сердечное наставление: бойтесь и берегитесь ружья и стрелка, ибо они — господа всех зверей!

Подобные поучения давала нам наша добрая матушка, — о, если бы только мы всегда её слушали!

В наших странствиях по лесам подошли мы однажды к какому-то кресту.

Тут наша матушка тотчас остановилась, не позволяя нам ступить ни шагу.

— Тут, — говорила она, — на этой лесной тропе поставлен на нас мощный железный капкан. Крест — это предупреждение людям, чтобы они обходили это опасное место. Ваш отец по неосторожности дотронулся до этого железа и посмотрите — его шкура украшает сени в доме брезнянского городского головы. — Не понимая того, чем может быть нам опасен железный капкан, хотели мы его увидеть.

И тогда наша матушка с осторожностью осмотрела лежавший на земле и прикрытый хворостом и сухими листьями капкан.

— Мишка мой, — заговорила она со мной, — принеси-ка какую-нибудь деревянную жердь и сунь её в середину капкана.

Я сделал как она сказала.

¹ Бача — Старший чабан. — Прим. пер.

Со страшной силой капкан взметнулся над землёй, и две створки с железными зубами слились в одну, крепко удерживая просунутую жердь.

— Смотри! Точно так же, сынок мой, капкан зажал бы твою лапу, если бы ты на него наступил, — произнесла матушка, — и тебе бы из него уже не освободиться. Потом пришли бы лесники, звероловы и... беда тебе! Застрелили бы тебя, а твою прекрасную шубку сняли и пропили в корчме. — Мы пошли дальше.

По пути поучала нас матушка, чем мы должны питаться и как должны прятаться.

Тут она показывала нам травы, там разгребала коренья, которые были бы нам полезны. Здесь снова нас предостерегала от ядовитых грибов, ягод и т.п., но более всего закладывала нам в сердце, чтобы мы никогда не касались никакой дохлятины, мертвечины, поскольку — говорят, — лесники и охотники засыпают в неё какой-то порошок, «штрихлин» (как говорит Мацо Почеса из Гандлова), которым мы могли бы отравиться.

Наша матушка могла бы служить примером многим человеческим матерям, как они должны воспитывать своих детей.

— Пойдёмте! — говорила она. — Ещё раз отведу вас на одно место, где мы хорошо попируем.

У быстрянского мельника Зварика была под Гандлом пасека, а на ней 60 колод с пчёлами.

Отправились мы на эту пасеку.

Наша мудрая матушка по опыту знала, что мы бы наверняка «протянули ноги», если бы первыми приблизились к пасеке.

Стало быть, мы не пошли прямо на пасеку, но на липтовском пастбище окружили несколько пасущихся конец и погнали их прямо перед собой до самых колод.

Едва один из коней приблизился к пасеке, в то же мгновение хлоп — бах! — дважды с пасеки громыхнуло, и гнедой конь свалился, застреленный двумя пулями.

— Теперь мы можем безбоязненно туда заглянуть, — сказала матушка и показала нам это устройство.

Вокруг пасеки была спрятана верёвка, как только кто-нибудь её тронет, тотчас выстреливали два направленных на пасеку ружья; так случилось и с несчастным конём, который — безвинный — заплатил за нас жизнью.

Были мы несказанно рады, что для нас всё так хорошо обошлось.

Сладкий мёд, который мы доставали из колод лапами, пришёлся нам исключительно по вкусу, и после этого лакомства мы облизили наши лапы.

Мельник вместо медведя содрал шкуру с коня. Потом сказала нам матушка:

— Пришло время, дети мои, нам разлучиться. Вы уже сами можете находить пищу и прокормить себя. Я научила вас всему, что нужно

знать в жизни, чтобы вы на земле долго жили. Дети! Будьте всегда послушны моим наказам и наставлениям, и будете жить хорошо.

После этих слов матушка горячо обняла нас обоих, и печальная-печальная наша добрая матушка с нами рассталась, покинув нас в необъятном лесу.

Ах! и мы, бедные сироты, что мы теперь должны были делать? Куда в безграничном мире повернуть?

Но о нас позаботилась другая матушка — мать природа.

Подгоняемые врождённым инстинктом сохранения жизни, разбежались мы по гронским лесам и первое время существовали «беднее бедного».

Как раз в то время, когда нас оставила наша матушка, перешли мы из детского возраста в юношеский, и сознание того, что мы ловкие парни, добавляло нам смелости и отваги, и укрепляло нас в нашем намерении стать знаменитыми и прославленными в нашем медвежьем роду.

II. Мои странствия по свету

Вскоре после того, как мы расстались с нашей доброй матушкой, потерял я брата и не мог его найти.

Причиной тому была облава на медведей, во время которой, изгнанные выстрелами из ружей и криками загонщиков, разбежались мы по свету куда глаза глядят.

Оставшись в одиночестве, временами было мне грустно и тоскливо.

Поначалу жил я очень настороженно, пугаясь даже шороха листьев в кустарниках, однако понемногу настолько осмелел, что выбирался куда-нибудь на разбой и охоту.

Удача сопутствовала мне, поскольку с каждой охоты я возвращался с богатой добычей и неповреждённой шкурой.

Брезнянские, валаштянские и лехотские пастухи волов знали меня очень хорошо, поскольку я их стада, пасущиеся на луговинах, навещал частенько; однажды ночью задушил я в Брезнянах на лужайке «Чёртовой свадьбы» 6 волов и 2 коней.

В тот раз впервые понюхал я ружейного пороху и оловянных кнедликов, но слава Богу, рядом со мной была большая дыра, чем в ружье пастуха.

Если бы я тогда довольствовался повседневной скромной пищей, всё было бы хорошо, но у меня вечно «слюньки текли» на лакомства и сладкий мёд, да так, чтобы в медовухе купаться.

Отыскав под Голой Бабой новое укрытие, валялся я в нём спокойно и без забот, как какой-нибудь турецкий паша на мягком диване, полагая, что в погронских лесах нет надо мной господина.

Однако всё было не так, как я предполагал.

Когда однажды утром я вышел из моей берлоги, к моему большому удивлению увидел я перед моей резиденцией миску, а в ней — смотри-те-ка, людишки! — приятно пахнущий мёд, моё самое любимое лакомство, моя «стихия».

Но ах! Это был не мёд, это была несчастная приманка... чёрт бы её побрал!

Не в силах противостоять аппетитному запаху, вылизал я всё до последней капельки... Миска стала чистой, словно кошка её... тут вскоре я почувствовал пагубное воздействие моего лакомства.

Нечего было туда морду совать.

Я точно, милый мой Боже, не знаю, что со мной происходило. Помню только, что стала кружиться голова, потом деревья вокруг меня пустились в пляс, тотчас на небе количество звёзд умножилось, а собственные ноги отказались меня держать. И как только всё это со мной произошло, я как стоял, так и — бряк! — рухнул на божью землю, а затем — ей богу не знаю, что со мной происходило.

Позднее на собственном опыте узнал я, что окаянный мёд скрывал в себе пьянящий напиток, водку, и я, не подозревая о том, напился.

Ей богу... стал я братом некоего зверя из отряда многокопытников, имя которого даже произносить не хочу!

Глянув на меня, сойка щебетала насмешливо:

— Нализавшийся Мишка!

Очнувшись от сна... ах, в каком же печальном положении я находился!

Нос и морда мои были стиснуты железной клеткой! Ноги мои были опутаны верёвками, голова моя всё ещё была так тяжела, что я от земли оторваться не мог.

«Проклятие, что же это за наваждение меня одолело, что я даже двинуться не могу? С чего это я такой «*cis mol*»-ный¹? — спрашивал я себя и наконец-то увидел, что я... ага! — и в это время меня осенило.

Собрав воедино все силы, я напрягся, чтобы разорвать узы, но тщетно, это было невозможно. Я только ту же затянул узлы.

— Подожди, мишка, маленько! — произнёс стоявший возле меня лесничий. — Чтобы разорвать эти верёвки, тебе бы следовало побольше волов передуть у «Чёртовой свадьбы». Так что не пыжся, мишка! Теперь ты мой!

— О, я самое несчастное существо на этом божьем свете! — начал я жалобно плакать, но это не принесло результата.

Потом лесник Рыбка, губитель моей золотой свободы, отправил меня в своё лесничество.

Вы только представьте себе мой ужас от этих новых вещей, которых я отродясь не видел.

Доставили меня в деревню, где меня разглядывали стар и млад.

Я был растерян, не в силах всё сразу понять, поскольку сознание моё было ещё затуманено водкой. В мыслях моих вертелось одно и то же: Бог мой! Что же со мной будет!

¹ Буквально — в тональности до диез минор. — *Прим. пер.*

Но вскоре я узнал, какова моя участь.

Я буду невольником, пленником — я, дитя золотой свободы, — чёрт бы меня побрал!

Правда, с морды моей сняли мощный проволочный замок, с ног — верёвки, но вместо этого меня посадили в железную клетку, как какого-нибудь разбойника, грабителя, который обчистил государственную казну.

Да воздаст им за это Господь Бог!

Впрочем, хотя я был пленником, рабом, что касалось питания, кормёжки, мне было не хуже, поскольку каждый день мне давали достаточно мяса, овса, картофеля и овсяных лепёшек.

Постепенно я привык к этому как цыган к виселице.

Мой владелец лесничий Рыбка навещал меня каждый день и льстил мне, поскольку он был одним из тех «классных мужиков».

Однако это не могло продолжаться долго.

Однажды мой владелец сказал:

— Ты, мишка, глупое дитя. Так из тебя ничего не получится. Ты должен идти в школу!

Слова его сильно меня напугали, поскольку я почувствовал, какие времена для меня настают.

«Kurz und gut»¹.

Мой владелец продал меня циркачу-итальянцу, и у него изучал я тринадцать школ.

Говорится в пословице, что «от школы смердит». Ну, так и мне учение не благоухало, поскольку едва я избавился от власти прежнего владельца, как сразу почувствовал, что значит быть цирковым медведем!

— Ты дармоедский болван! Бестия — рогсо²! У меня ты не будешь бесполезно валяться, как валялся и бездельничал по лесам! Я тебе намажу твою «девичью мордочку»! Танцуй, Мишка!

Таким было приветствие, поскольку после этих слов мой новый владелец — циркач, отставной солдат, — начал меня обучать, муштровывать и просвещать, чтобы из меня хоть что-нибудь вышло.

Премилый мой Боже, я никому не пожелаю дойти до такого образовательного учреждения.

Ах, чего я только не вынес и не претерпел, сколько голода, сколько побоев съёс — того словами не выразить.

Цирковой методой принуждённый, научился я вскоре танцевать коломыйку, мазурку, чардаш, бить в бубен, курить трубку, крутить шарманку и много, много других, — как говорил мой принципал — «ужасных больших фокусов».

Впоследствии, путешествуя от города к городу, от деревни к деревне, давал я из своего искусства «продукцию», под аплодисменты зрителей собирая мзду для моего мучителя.

Моею платой за это были: безмерный голод, грубые побои плетью, а то и палкой, насмешки, обзывание ослом, глупцом, косматым и ещё какой-то дубиной стоеросовой.

¹ (нем.) Короткие и хорошие.

² (итал.) Зверь — свинья.

И всё же я, несчастный, кормил моего мучителя вместе с его женой и пятью детьми.

Скажи, человек, мог бы ты быть таким благородным по отношению к твоему мучителю?

Ещё и сейчас я дрожу всем телом, вспоминая как палка моего жестокого господина беспощадно опускалась на мою лохматую шкуру.

Это правда, что иногда я был ленивым и тупоголовым; однако не было ничего удивительного в том, что я любил отдохнуть, когда непрерывной «продукцией» тирана был так утомлён, что едва мог держаться на ногах. А непослушание?.. его пробудил во мне голод, поскольку вы должны быть знаете — душа моя — что танцевать голодным не годится. Я этого отведал, и часто молил, чтобы Господь избавил меня от этого мучения.

Когда я был хорошо накормлен, что случалось редко, я был весёлым парнем и порой по собственной воле устраивал какую-нибудь шутку.

Что я выкинул в одном немецком городке, где мы на масленицу давали «продукцию», об этом я расскажу вам кое-что.

В городском трактире давали мы «продукцию», которая у моего владельца очень здорово задалась.

Полный стакан «оборвышей»¹ был причиной того, что мой патрон поглубже заглянул в стакан, но при этом и мне пожертвовал немного водки, порцию мяса и маленькую краюшку хлеба.

Вечером после «продукции» мой владелец привязал меня в конюшне к яслям, а сам ушёл в трактир, в котором как раз проходил бал-маскарад, и хорошенько там угостился.

Оркестр на балу играл превосходные мелодии, так что кровь во мне заиграла.

— Сегодня, — сказал я себе, — я точно спляшу раз-другой, пусть даже без приказа, и даже без денег.

Желание это во мне усиливалось, и я задумывался над тем, как бы я мог оставить конюшню, где мне был назначен ночлег.

На моё счастье цепь, которой я был привязан, ослабла и мне легко удалось её оборвать.

А двери конюшни?

Что? Двери? Я вынул их из цапфы.

И — айда! Я уже ступал по ступенькам в танцевальный зал, где развлекалось множество разнообразных масок.

В «зале» поднялась большая «сенсация». На задних лапах я прошагал вплоть до середины зала и маски предо мной с уважением расступались.

Я видел тут различных зверей: как то обезьян, гусей, индюков, козлов — но такой «оригинальной» маски, какой был я, там точно не было.

В одобрение все прокричали мне «Хох!»

¹ «шупак», «оборванец» — австро-венгерские серебряные монеты небольшого достоинства. — Прим. пер.

— Только не погорячитесь, господа!

Тут зазвучала музыка.

Играли «мазур», танец, который я умел танцевать «сломя голову».

Оглядевшись вокруг, я увидел, что там сидела одна красивая «фрайличка»¹.

Подхожу к ней, целую ручку, и как другие кланялись своему партнёру, так и я сделал.

Я не был «растяпой», сразу заметил, какой тут соблюдают «этикет». «Saktadina signorina?»²

И она пошла со мной в круг.

Это был танец!

«Нога за ногу», — такого коленца как сейчас со мной она точно «не выделявала».

Мы оба танцевали до самого конца.

Все во второй раз прокричали нам в одобрение «Хох!»

Ну в самом деле, разве это был не самый распрекрасный маскарад?!

И после этого наши соседи немцы говорят, что мы, словаки, «угрюмые». Словак уж точно найдёт свою дорогу даже в Америке, как нашёл её в Бранденбургской земле татранский медведь. Словак в мире не пропадёт!

Музыканты снова началит играть.

Я решил с моей избранницей снова начать.

Но она, покачав головой, сказала: «I kann nit! Es genirt mich mit Ihnen mehr zu tanzen!»³

Так она меня опозорила, отвергнув меня.

И я «погладил» её моей лапой по голому плечу.

В тот же миг подскочил ко мне юноша, несомненно это был её «Liebhaber»⁴.

Он накинулся на меня:

— Сударь! Это неправильно! Вы грубиян!

Вместо ответа погладил я лапой «всерьёз» этого франта по заду.

Он покраснел как паприка и вlepил мне пощёчину.

А я ему в ответ, да такую — на центнет.

Он схватил меня за грудь, а я его за горло.

Он забормотал «брум! брум!», а я бросил его о землю.

Тут понял немец, что находится в руках настоящего медведя.

— Ein Bär, ein Brummbär!⁵ — закричали все присутствующие, и каждый в то же время искал ближайший угол.

Все покинули поле битвы, и я почувствовал радость победы.

Тут я услышал голос своего владельца, который как раз прибежал в зал.

¹ (слов. разг. устар.) девушка.

² (итал. искаж.) Сеньорина танцует?

³ (нем.) Я не могу! Я больше не пойду с вами танцевать!

⁴ (нем.) Любовник.

⁵ (нем.) Это медведь! Это ворчун!

— Лонго! Лонго! — звенело в зале.

— *Corpo di Vasso!*¹ Ты гнусное уродливое чудовище! Ты мотыга мотыжная! Что ты тут делаешь? — кричал на меня мой владелец.

Тут я сразу присмирел, всякие желания и силы меня оставили.

Однако на этом мой авангардный маскарад не закончился, поскольку патрон мой, схватив меня за уздцы, привёл меня обратно в конюшню и — стыдно сказать, — накормил меня такой порцией ударов, что едва до смерти не прибил. Только на четырнадцатый день после этой взбучки я смог встать на ноги.

Единственным удовлетворением за эту мою «выходку» стало то, что я был прославлен в некоторых немецких газетах, которые напечатали длинные и обстоятельные статьи об этом моём приключении.

Однако на будущее у меня исчезли всякое желание и воля ходить на «бал».

Но случилось и худшее: власти запретили моему хозяину ходить со мной, «как с индивидуумом для людей небезопасным», и давать «продукцию».

Мы были вызваны в суд.

Господин «*pirgermajster*»², справедливо рассудив дело, велел, чтобы мой владелец за «*štróf*» заплатил несколько золотых на больницу, а мне, несчастному, присудил «25 по заду».

— *Bestia maladeti!*³ — закричал мой хозяин, услышав приговор судьи. Но потом начал ругаться: — *Jemine caro dio!*⁴ Что же я теперь без моего милого зверушки делать буду? Как смогу содержать жену и детей?!

Смотри-ка, теперь я стал для него «милым зверушкой», а до того был *bestia — porco!*⁵

Хочешь — не хочешь, итальянец Лонго должен был от меня избавиться.

Он продал бы меня и за «пять монет», поскольку я ему был в ущерб и в тягость.

Ничего не получалось. Никто меня не хотел.

Наконец откуда-то взялся какой-то монах-францисканец и представился покупателем.

После долгих торгов покупка состоялась, и я отправился в странствие до безлюдных тюрингских лесов, до какого-то монастыря.

По дороге я думал, что со мной наконец-то будет какой-нибудь святоша, и что я, возможно, при жизни попаду на небо.

Вся моя работа в монастыре заключалась в том, чтобы ночью охранять двор, потому что монастырь находился глубоко в лесах и господа

¹ (ит.) буквально — Тело Вакха!

² (нем.) бургомистр.

³ (ит. иск.) Проклятый зверь!

⁴ (смесь ит и слов.) Смилуйся, милый Боже!

⁵ (ит.) Животное — свинья!

монахи возлагали свою безопасность только на такого сильного зверя как я.

Не смейтесь.

Это факт, что из озорника я превратился в «Sicherheitscommissárom»!¹

Моя канцелярия располагалась в углу двора, в каком-то пятиведёрном чане.

Благодарение Богу и господину кардиналу за эту перемену со мной произошедшую, да благословит за это господина кардинала Господь и даст ему постоянное здоровье и богатое благословение, а по смерти — вечную славу.

В монастыре мне было хорошо.

У меня всегда была порядочная «кость».

Оставив грубоватую и жестокую природу, стал я тихим, набожным и верным охранником господ-монахов в их монастыре.

Имея полную свободу, я сопровождал господ-отцов, следуя за ними как верный пёс, и горе тому, кто на кого-нибудь из них хотя бы пальцем пошевелил, того я мгновенно разорвал бы «в клочья».

Они уже не называли меня моим собственным именем «Мишка», но каким-то «brumbérom»².

В монастыре провёл я полных два года, имея в достатке хорошей пищи.

Мне было так хорошо, что лучшей жизни я не искал бы до самой смерти — вдруг со мной случилась неожиданная перемена.

Возвышаешься ли ты над всеми, человеке, будь осторожен, чтобы не низвергнуться на самое дно.

Обыкновенно обретался я при кухне, помощником повара, и самой любимой моей работой на кухне было вращать на вертеле жаркое.

Могу поклясться, что самовольно я никогда к жаркому не притрагивался, поскольку повар всегда наделял меня порядочным куском.

Однажды господин аббат провинции прибыл к нам «на визитацию» монастыря, при этом господа монахи устроили в его честь большую «трапезу».

«Mélšpajzov»³, жаркого и «cukerbekerajov»⁴ было в избытке.

Господин провинциал привёл с собой избалованного и очень распущенного пёсика, мопсика.

Это была его любимая собачка. Которая постоянно суетилась рядом, пока я вращал на вертеле жаркое, и по глазам было видно, что у него на жаркое слюнки так и текли.

Не знаю как такое случилось, но стоило мне отвернуться, как милый «мопсик» хап! Вонзил в жаркое зубы.

— Отпусти, — говорил я ему.

— Vrrr! — не выпуская жаркое, заворчал на меня пёсик.

¹ (нем.) Комиссар безопасности.

² (нем.) Ворчуном.

³ (нем. иск.) Десертная выпечка из сдобного теста, обычно с начинкой; калач.

⁴ (нем. иск.) Кондитерские изделия, сладости.

Я рассердился и — хлоп! — озорника по голове, да так неудачно, что пёсик шатался, шатался — и свалился.

А спустя какое-то время и вовсе «крепировался»¹.

Ах, сколько тут было «сетований» из-за этого шалопая, негодяя, мерзавца!

Столь неожиданно потеряв своего любимого пёсика, господин провинциал так сильно на меня рассердился за мой необдуманый поступок, что приказал меня «standopede»² посадить на цепь.

— Мишка! — сказал я сам себе. — Терпи! Ведь ты и не такое вынес.

Однако этим гнев господина провинциала не был укрощён. Он последовательно объявил монастырским:

— Дорогие братья! Этого грешного лохматус медведус не позволяю я держать скотником; либо продатиумс егус комедиантус, либо велитиум егус забитариус и шкуру егус продатиус жидовиус, за что несколько монетус на табакус выручариус. Спаси Господи мою душу!

Это была моя «сентенция».³

Так неожиданно моё жаркое превратилось в пепел.

Полакомился и довольно.

— Deo gratias⁴, господин кардинал!

Сердечное вам спасибо!

Не удвляйтесь, что я так свободно говорю по латыни; за два года, проведённых в монастыре, я сильно «продвинулся» в латыни.

Как раз в это время увековеченный император Франции Наполеон огласил на весь просвещённый и непросвещённый мир, что всех медведей всей Европы скупит для какой-то «спекуляции», что в своей резиденции в Париже будет медведей «одобрять».

Стало явным и то, что хотел он создать так называемый «regiment del' urs» (медвежий полк), и отправить его в бой против Пруссии.

Эту новость услышали и господа монахи; им это известие пришлось в пору, и они поспешили в указанное место, чтобы выручить за меня хоть что-нибудь «на табачок».

Но узок мосток.

Комиссией я не был признан «tauglich»⁵ и меня прогнали прочь.

На счастье один богатый французский граф купил меня для своего кочующего зверинца.

Вот там мне точно трудно было привыкать к скудной пище, и всё же я был скорее доволен тем, что не придётся мне по городам и сёлам давать эти проклятые «производства».

Меня постоянно держали в клетке, наравне с другими зверями, и я был вдоволь накормлен мясом и казённым хлебом.

Тут познакомился я с господином Орангутангом, с господином Гиеной, с Барсом и с Его Величеством господином Львом, а также с дядюшкой Слоном.

¹ (перен.) Сгинул, сдох. — Прим. пер.

² (разг. уст.) безотлагательно — Прим. пер.

³ (уст. юр.) в значении «приговор». — Прим. пер.

⁴ (лат.) Спасибо.

⁵ (нем.) Соответствующий.

По собственной воле и желанию с некоторыми из них вступил я в «товарищество».

С господином Львом завёл я такую сердечную дружбу, что перешли мы на «ты».

— *Servus amice!*¹

В конце концов я был счастлив находиться в этой честной компании, где был членом первого класса.

Моя единственная работа заключалась в лежании посреди клетки, при этом два златооких американских волка должны были через меня перепрыгивать.

Все трое мы были задушевными приятелями, да и почему бы нам ненавидеть друг друга, ведь у нас была общая судьба.

Располагая временем, играли мы в карты, обыкновенно в «преверанс», которому компаньоны мои от меня научились.

До сей поры ни о чём подобном ни в одном зверинце не было слышно, и поэтому народ «сломя голову» валом валил в будку, когда я со своими компаньонами-волками начал показывать «ужасные большие фокусы».

Часто вспоминалось мне наслаждение милой свободой в погронских лесах — родном для меня крае.

Живы ли ещё мои мать и брат?

Не постигла ли брата моего та же участь?

Как живётся вдове, матери моей, в её старости?

Тоска по родине непрерывно теснила меня — но подожди, братец! Далеко тебе до Татр!..

Мой господин принципал путешествовал с нашим зверинцем по Италии, Германии, Польше, России, — из страны в страну, как они следуют друг за другом, так что в конечном счёте сам не знаю как — после многих странствий пришли мы в один город, в котром к моему удивлению услышал я словацкую речь.

Ах! буки, грабы, прискакали!.. Я был дома.

Там видим мы «Чёртову свадьбу», тут — «Думбер», «Бабу», «Кози Грбат», «Гапель», — ах ты, Боже! — там, на этих пастбищах, хотелось мне находиться, а не в этой клетке...

Кому, позвольте спросить, не были милы родные края?

Каждая птаха стремится туда, где вылупилась.

Уж сейчас я бы не испугался ни Адама Будая, ни Ондreja Духая, ни даже быстрианского лесничего, если бы мог оказаться дома, в моей старой «резиденции», в моей берлоге.

Странствуя по свету, приобрёл я достаточно опыта, чтобы превзойти разумом всех охотников.

Такие мысли роились в моём мозгу; в душе находился я под «Гаплом», в действительности — в моей прежней железной клетке, откуда не так-то легко было освободиться.

¹ (лат.) Слуга-приятель.

«Fugias Mathias» (беги, мишка!) — пришла мне на память латинская поговорка.

И словно мечту о побеге можно было осуществить, я размышлял об этом днём и ночью.

Закованный раб, мечтающий сбросить оковы, до той поры размышляет, покуда не придумает что-нибудь и не употребит все возможные средства для осуществления своего намерения. И я был в таких же условиях, однако не мог положиться на свои слабые силы. В соседней клетке проживал громадный, далеко превосходящий меня силой и удалью лев. И посчитал я правильным довериться ему с моим планом.

Однажды ночью, когда хозяин и сторожа спали, сказал я ему несколько задушевных слов, изобразил ему в ярких красках окрестности Брезна и гронскую провинцию, обилие пищи, множество зверей и добычи, косуль, овец, коз, и уговаривал его уйти со мной из зверинца.

— Okosan beszélsz, kedves barátom!¹ — отвечал лев, царь зверей, в дипломатических выражениях, — и я ощущаю тоску по свободе! Хорошо, попытаемся привести в действие наши намерения, но мы должны дождаться подходящего времени.

Сам лев, с юных лет пребывая в клетке, не знал, что обладает такой огромной силой, что мы сломали бы крепкие решётки своей тюрьмы словно сухие прутья.

Вскоре в одну из ночей мы осуществили своё намерение — побег; в полной тишине мы выбрались из клеток и уже приближались к дверям, которые я проворно снял с петель и отложил в сторону... Мы были уже снаружи... когда одна паршивая обезьяна Маки, заметив наше бегство, так страшно завизжала, что на её крик проснулись сторожа.

— Конец нам, — сказал я. — Беда моей шкуре!

Я сделал странное «сальто мортале».

Позади прогремело несколько ружейных выстрелов...

Было темно как в берлоге. Только со вспышкой выстрела увидел я перед собой дорогу.

Пуля просвистела совсем рядом с головой, опасность для меня, благодарение Богу, миновала.

Впрочем, мой сообщник Лев, сражённый пулей, замертво упал на землю.

Спи спокойно!

Теперь я не терял времени на размышления, не выбирал самую верную дорогу для побега... только вперёд и вперёд, дальше и дальше, по монастырской улочке, на Врхдолин и ещё выше, поскольку за мной гнались по пятам, а затем вниз, и снова вверх, нигде не останавливаясь ни на мгновение, ведь мне было куда торопиться. Наконец перескочил я через поток и глянь-ка, уже вижу свою родину, знакомую пихту, — и обессиленный я рухнул на землю.

¹ (венг.) Разумно говоришь, дорогой друг!

Я был спасён, свободен — и если бы умел, запел бы от радости «Tedeum»¹.

— Теперь можете, — думал я, — идти за мной! Больше вы меня так легко не получите! Оставьте меня в покое!

Я снова был дома, в моём милом свободном отечестве, исполнилось моё желание. Отыскав свою старую берлогу, после стольких перенесённых мук я выдохнул так энергично, что даже ветер поднялся.

Примерно через неделю отправился я на разбой и, одновременно, на прогулку до «Млыной» и тут случайно встретился с моим братом Пецком, который был ещё жив.

Сколько было тут обниманий, когда мы спустя так много времени снова свиделись, сколько было взаимных рассказов о том, что нам довелось испытать.

Брат мой сказал, что и наша матушка ещё жива, обитает где-то там на Гандлах в Каменистом, но старостью удручена и живёт очень бедно. Отправимся её искать и будем её кормить, как и пристало порядочным детям.

Потом рассказал мне брат обо всех новостях и переменах, которые случились дома в моё отсутствие.

Затем нашли мы и нашу мать, и как же она, бедная, радовалась, что мы сошлись, поскольку думала, что моё тело вороны и волки давно разнесли по всему свету.

Радовалась она и тому, что я столько побродил по свету, столько опыта приобрёл и знаменитыми мастерами «в свободных искусствах» (философии!) так основательно был обучен и искущён.

Мне снова было так хорошо, и зажил я мирной жизнью.

III. Мои героические поступки

Теперь я был независимым, самостоятельным господином и, пребывая в зрелом возрасте, размышлял о каких-нибудь героических поступках, которые могли бы прославить меня в моём медвежьем роду.

Однажды сказал я матушке:

— Милая мамочка! Готовь какие-нибудь пироги, жаркое, что-нибудь горло промочить, хотя бы медовуху, — и я пойду жениться! Не хочу оставаться состарившимся холостяком.

Как сказал, так и сделал.

Взял я молодую, стройную медведицу «Мару» из Святошной долины из Липтова.

И устроил я шумную свадьбу, как положено.

Лиса играла на свирели, а барсук — на волынке. Олень был у меня дружкой, кабаниха — кухаркой, а коза с волком танцевали.

Гостей было — из пяти столиц, а столов — «kvantum satis»².

¹ Богослужебный гимн «Тебя, Господи, славим». — Прим. пер.

² (лат.) достаточное количество.

Вскоре после свадьбы забавлялся я с двумя малышами, моими детьми, всячески заботился об их телесном и духовном воспитании.

Уже в первый год оба мои малыша знали сто пар латинских вокабул¹ и все те фокусы, которым я через большие побои научился у комедианта.

Не было и не будет в медвежьем роду лучших гимнастов, чем мои детишки.

Залезть на пихту и там ободрать сорочки гнёзда... Ба! Для них это было просто забавой.

И когда я лежал в берлоге с моей «старушкой», дети мои по-военному стояли на страже перед берлогой.

Я научил их моим песенкам, а ещё больше — загадкам.

Вообще я так устроил своё домашнее хозяйство, что мне завидовал каждый, кто приходил с визитом.

Однако чёрт не спит.

Вскоре после моего прихода в Погронье Адам Будаи и Ондрей Духай (прославленные следопыты и ловцы медведей и куниц из брезнянского Мыта) рассказывали, что выследили они в быстрянской долине огромного медведя.

Прознал об этом Карол Кюхнел, лесник из Быстрой, и это известие словно по телеграфу разлетелось по всем господам «ferštrom»², над- и подлесничим.

Бог свидетель, как кричали все эти лесники, охотники, «forštjungovia», которые на меня ополчились.

Не соблюдая международного права, согласно которому они должны были объявить мне войну, устроили на меня и мою семью облаву.

От Дивней, из Горней Леготы, из Быстрой, из Мыта и Валаской высыпали на меня примерно 200 загонщиков, а более 30 стрелков стояли наготове у трактирщика Добоша в Мыте.

Все эти господа пили там за мою шкуру...

Но я сказал себе:

— Скорее вам, господа звероловы, доведётся чёрта рогатого съесть, чем меня поймать. Да-да, не даром прошёл я 13 школ.

И ещё до рассвета отправился я вместе с семьёй далеко за Грон.

Облава, разумеется, оказалась тщетной.

С той поры, не имея в этих горах безопасного жилища, принялся я бродить туда-сюда по Горегронью.

Однажды оказался я «формально», сам не знаю как, в «мешке».

Юный гандловец, Яно Шаблатура, примерно 16-летний юноша, спугнул и гнал меня перед собой на облаву.

Всё это я принял за шутку, как вдруг неожиданно «foršrjunk» Скокан выстрелил и попал мне в пятку.

¹ Как то: canda — хвост, pontus — мост, cattus — кошка, embama — соус, puer — слуга, hircus — козёл.
— Прим. авт.

² Чиновник лесного управления, лесник.

В страшном гневе, который придал мне силы, я прыгнул и бросился на загонщика, я не сделал ему ничего, только подмял под себя и немало покатал, так что у него из ушей, изо рта и из носа потёк кровавый суп.

— Ну, Яно, это тебе на память! О том, что ты побывал в объятиях у медведя.

И ничего я так не боялся, как быстрого взгляда Маркуса, поскольку я почувствовал, что куда он прицелится, туда оно и упадёт; а ещё того, что он попадёт в меня живого.

Из этой «баталии» вышел я счастливо, но всё же бежал прочь и не останавливался до самого Прашиво в приходской долине.

Все охотники якобы поклялись, что лишат меня жизни, всюду преследовали меня и нигде не давали «поселиться».

Марушник (легендарный дикарь, грабитель) с кривой мордой и хромой ногой, застал меня, когда ночью я подкарауливал косулю, взял на мушку и нажал на спуск.

Однако увы!

На моё счастье он в меня не попал.

Одним прыжком я был на нём.

— Тридцать горшков, и в каждом — мерица¹ гороха! — забормотал я. — Чтобы знал ты — уродливое чудовище, каково с медведем тёрн обирать... я оставлю тебе кое-что на память!

При этом застёжкой я расчесал его взъерошенную голову и так изысканно расправил ему волосы, что часть их осталась у меня в лапе вместе с кожей.

Тогда возвысился я над этим старым браконьером.

После этого случая отправился я на Вепр и тут искал подходящее жилище.

Пустующая Яношикова пещера стала моей резиденцией.

Как раз на то время, когда я задержался на Вепре, пришёлся наш звериный сейм, на котором моей милости всеми зверями была оказана честь быть избранным президентом этого собрания.

Все речи, произнесённые на этом сейме, записал я углём на пихтовой коре и помню их наизусть. Для примера приведу мою вступительную речь:

*Гуляйте, пируйте, лесные народы.
Отныне сияет нам солнце свободы.
Такого обширного братского круга
Не знали леса и не помнит округа.
Когда мы едины, мы можем по праву
Найти на охотников злобных управу.
И волк, и коза, чтоб единство хранить,
Извольте дружить и в согласии жить.*

¹ Мерица — мера объёма около 70 литров. — Прим. пер.

*Хори и коты голубей уважайте,
Гнёзда тетёрок не разоряйте.
Лиса не воруй ни курей, ни гусей.
Ты, выдра, рыбу ловить не смей.
Заяц на поросль не раскатывай губы,
Сунешься — разом вышибем зубы.
Я тоже не буду грабить возы.
Вот вкратце законов наших азы.*

И следующая история уже видна в ряду моих героических поступков.

Граф Каролы, обладая в Захори обширными лесами, организовал облаву на медведей и хотел испытать, как это выглядит, когда человек встречается в лесу с медведем.

Попал в облаву и я.

Лесники, заботясь о безопасности графа, который был ещё юношей, велели изготовить для него деревянную клетку из мощных дубовых жердей, посадив в неё графа, они привязали клетку с охотником в дереву.

Во время облавы загонщики гнали меня прямо на графа, — и тут он дважды в меня выстрелил.

Видя сидящего в клетке стрелка, я аппетитно улыбнулся и, не задетый, одним прыжком был возле клетки.

Беру эту милую клетку и вместе с тем, что в ней было, — бросаю в реку.

О чём думал граф, я не знаю. —

Однажды пан «feršter» Карбог послал через лес угольщика Дурко с письмом в Липтов.

Рохля, задумавшись «до чёртиков», не обратил внимания на кресты, которыми были обозначены расставленные железки, неожиданно наступил на капкан и был схвачен за ногу.

Когда он призывал на помощь всех святых, к нему явился я.

— Смотри, Дурко, — сказал я ему. — Ведь и правда, «кто роет яму другому, сам в неё попадёт!»

Без помощи угольщик должен был погибнуть.

И смилостивился я над несчастным, помог ему.

Упираясь в пружину капкана, растянул я его рёбра так, чтобы угольщик мог вытащить почерневшую и распухшую ногу.

Полагая, что я хочу его съесть, он перекрестился и дрожал от страха.

Однако напрасно, поскольку что же тут можно было откусить, — кожа да кости.

Даруя ему жизнь, швырнул я железо о камни так, что оно разлетелось на миллион кусочков.

Несчастливого угольщика, который с места не мог сдвинуться, мне было жалко; у бедняги не было в кармене даже куска хлеба.

Схватив его за шею, я потихоньку подтянул его к воде, там выстелил ему из моха постель и, нарвав лечебных трав (подбела), приложил к его ранам, завязав платком; поскольку я отлично разбирался в фельдшерстве, я бы правильно ухаживал за ним, покуда не подоспела бы людская помощь.

О том, что его будут искать, я знал, а чтобы он не умер от голода, я нарезал ему малины.

— На, — говорю, — братец! Собирай и кушай!

Беседуя так с «пациентом», узнал я, что неделю назад в Осрблянской долине грончарский «feršter» Манделик застрелил мою мать.

Бедная моя мама!

Старостью удручённая, не обладая достаточной силой чтобы схватить косулю или овечку, она выбрала возможно не самый безопасный способ существования, доставая зайцев и куропаток из силков, расставленных теми же лесниками.

Однажды лесничий застал её за этим занятием и заплатил ей оловом. Но горше пришлось моей жене и детям.

Однажды невесть откуда появился на Быстрой мой бывший учитель танцев итальянец Джузеппе Лонго, расспрашивая звероловов и медведелов, не видали ли они какого-нибудь медведя.

Мацей Флох (найди и его такая же злая судьба) выследил мою жену в её берлоге как раз тогда, когда она во второй раз родила и как раз кормила грудью двух младенцев.

— За хорошую «дискрецию»¹ приведём вас, господин комедиант, к берлоге одной медведицы с двумя малышами! — сказал Мацо.

Итальянец обещал ему в случае удачной охоты 20 золотых.

И он привёл его к берлоге.

Страшным человеком был этот Лонго, который не испугался ни острых зубов, ни когтей моей жены; смело кинулся он за младенцами, схватив обоих за подмышки, а потом, ухватив за шею, и мою больную жену вытащили из логова.

Так и её постигла та же судьба, что и меня.

Эти печальные известия о моей семье сильно меня огорчили.

Как раз тогда, когда я бродил там и сям, оплакивая утрату, на вырубке под Думбиером сошлись мы с быстрианским паном учителем возле малинового куста, с которого оба собирали малину.

— Это вы, пан учитель? — заговорил я с ним. — Имею счастье быть с вами знакомым.

Пан учитель был так напуган моим выступлением, что от страха забыл о бегстве.

— Я познакомился с вами на охоте в Млыной...

— Вы со мной, Мишка?

— Ну, видел я вас возле ручья на дереве...

— Ах, не говорите, Мишка!

¹ (устар.) чаевые. — Прим. пер.

— Так это вы издали сочинение под названием «Охота», в котором описали и мой медвежий род?

— Я... а дальше что?

— Спрошу вас, пан учитель, зажила ли у вас нога, которую вы сломали под «Бабой».

— Откуда вы, Мишка, об этом знаете?

— Рассказывала мне одна старуха, которая своими глазами видела как вы бежали, опасаясь медведя... А тут что делаете?

— Видите, что пасусь в малиннике!

— Вам дома нечего есть?

— Именно нечего, domine Мишка!

— Ну, чтобы было по-другому, я точно убил бы на выпасе вола или корову, чтобы у вас на зиму было немного мяса.

— Благодарю, неуважаемого мяса я не ем.

— Будьте так любезны, пан учитель, если снова займётесь писательством, опишите приключения моей жизни, о которых я вам сейчас, имея досуг, расскажу, и опубликуйте их в печати на вечную память.

— Только бы нашлись потом читатели!

И, усевшись под малиновым кустом, рассказал я пану учителю историю моей жизни от начала и до конца.

Одиноким, не имея ни одного друга на свете и вместе с тем предчувствуя, что понемногу приближается и мой черёд, решил я, что лучше переселиться прочь из Погронья.

Прочь, в такую страну, где звери находятся под охраной закона.

Решил я, что отправлюсь в Чехию.

Слышал я, — рассказывали не раз, ещё когда я странствовал по Германии, — будто в Крумловской котловине в Чехии застрелили 90-летнего медведя. Ну, этот наш прадед мог и не сожалеть об утраченной жизни.

Там — подумал я, — при благоприятных обстоятельствах смогу, пожалуй, прожить и до 100 лет.

Угольщика Дурко искали по лесу товарищи; ради безопасности должен был я от моего «пациента» удалиться и распрощаться с ним.

Расставаясь, сказал я ему:

— Друг мой Дурко, поприветствуйте там, на Гроне, всех «ferštrov» и лесничих, звероловов и охотников, и скажите им, что я ухожу прочь.

Желаю вам доброго здоровья!

Будь здоров, Дурко!

Адью, Татры, я иду в Чехию!